ФЕЛЬЕТОНЪ.

Изъ ростовской старины.

(Театральныя воспоминанія).

„Прим." № 226

Только въ послѣднее десятилѣтіе у насъ, въ Ростовѣ, стало прививаться музыкальное образованіе, а 25 лѣтъ назадъ звукъ рояля или пианино не останавливали прохожаго, какъ нѣчто необычайное, крайне рѣдкое. Въ городѣ было два оркестра: театральный—Ивана Ивановича Виттенъ, игравшій намою и лѣтомъ въ театрѣ и, кромѣ того, лѣтомъ, послѣ спектаклей, на эстрадѣ старой деревянной ротонды, и второй—Ивана Михайловича (фамилія не помню, да врядъ-ли кто изъ ростовцевъ зналъ его) — спеціально для купеческихъ свадебъ. Иванъ Михайловичъ велъ списокъ всѣхъ гражданъ города, въ которомъ значилось, когда кто—именинникъ, и въ этотъ день безъ зова являлся въ домъ со своимъ оркестромъ,—за что, конечно, получалъ мзду. Затѣмъ по городу ходили шарманщики, и вахтеровская пресловутая «зурна» была слышна во всѣхъ домахъ, гдѣ обитали грузины или армяне. Въ гостиницахъ, особенно въ зимніе мѣсяцы, раздѣвали подъ звуки разстроенныхъ клавикордъ, хоры безголосыхъ арфистокъ, полупьянныхъ разсказчиковъ и куплетистовъ (прототипъ теперешнихъ «Палерно», «Александровскаго сада») Вообще, сказать можно, что такого автомузыкальнаго города, какимъ былъ когда-то Ростовъ, врядъ-ли сыскать, когда-какъ сосѣдъ нашъ—Таганрогъ издавна славился своей музыкальностью. Время измѣняетъ все: теперь, кромѣ столицъ, чуть-ли не въ десяти провинціальныхъ городахъ сезонно существуетъ русская опера,—итальянскую-же едва выдерживаетъ Петербургъ; а 25 лѣтъ назадъ о русской оперѣ въ провинціи почти совсѣмъ не слыхать было, но за то въ Одессѣ и Таганрогѣ была постоянная итальянская опера, и даже г. Керчь, въ исторіи недавно Дальскій сдѣлалъ 26 руб. сбора (см. одесскія газеты), выдерживалъ по-сезонно итальянцевъ. Правда, итальянская опера стояла въ тѣ годы дешевле теперешней оперетки, но за то и посѣтителей театральныхъ было тогда на-половину меньше. Послѣдними сезономъ итальянской оперы въ Таганрогѣ былъ сезонъ 1876—77 года, когда антрепренеръ синьоръ Росси-де-Руджіери, сотавивъ итальянцевъ въ этомъ городѣ и не заплативъ имъ жалованья, скрылся безслѣдно.

Надѣжали итальянцы и къ намъ, въ Ростовъ, но всегда безуспѣшно: больше трехъ-четырехъ спектаклей они не давали.

Впрочемъ, надо сознаться, что и наѣзжавшіе въ то время, какъ и теперь, постоянно, разные концертанты тоже неахти-какимъ успѣхомъ пользовались у насъ. Одна только —нынѣ старушка—Леонова, пѣвица петербургской оперы, давшая здѣсь передъ своей пресловутой поѣздкой въ Японію три концерта, имѣла, сравнительно, хорошіе сборы. Не могли также пожаловаться на дурные сборы такіе звѣзды музыкальнаго міра, какъ, напримѣръ: Венявскій, Аполлинарій и Ванда Кентскіе, Ауэръ и Антонъ Рубинштейнъ,— прочіе-же сборовъ не дѣлали. Къ сожалѣнію, нельзя того-же самаго сказать о царскихъ,—они всегда дѣлали у насъ хорошія дѣла. Достаточно указать только на одинъ случай, когда въ Ростовъ пріѣхали братья Жанъ и Луи Годфруа съ очень неважнымъ цирковымъ чудомъ безъ сапогъ, а послѣ двухлѣтняго здѣсь пребыванія, на заработанныя деньги одинъ изъ братьевъ, Луи, выстроилъ въ Тифлисѣ полуманежный циркъ, а другой—Жанъ,— купилъ за 54 тысячи рублей домъ (вывѣ Я. С. Гурвича, на Полицейской улицѣ, рядомъ съ домомъ г. Брысина). Большимъ матеріальнымъ успѣхомъ пользовались въ Ростовѣ также разсказчики: Павелъ Исаевичъ Вейнбергъ, Гуляевичъ, чтецъ П. И. Нимитанъ, поэтъ-любитель Полевицкій, куплетистъ Градовъ Соколовъ, разсказчикъ Горбуновъ, «профессоръ (?) акробатическаго искусства» Автонио, труппы гимнастовъ Джемсъ-Джонсъ, Братицъ, Умпауфъ, виртуозы-фокусники Якимъ Якичи и Мото-Кичи, какой-нибудь—длинный рядъ фокусниковъ и престидижитаторовъ. На одномъ мы послѣднихъ я немного остановлюсь.

Во время севастопольской войны, въ 52-мъ населенномъ (нынѣ Его Высочества Великаго Князя Кирилла Владиміровича) полку служилъ младшимъ лекаремъ врачъ Эпштейнъ. Послѣ войны онъ вышелъ въ отставку и 10 лѣтъ пробылъ въ дебряхъ Индостана, гдѣ изучалъ магію у факировъ. Вернулся онъ въ Россію заправскимъ фокусникомъ, и я не знаю причины, побудившей его промѣнять скромную и почетную дѣятельность врача на занятія магіей. Въ 1886 году Эпштейнъ былъ ограбленъ и убитъ по дорогѣ въ Иркутскъ. И вотъ, этотъ-то интеллигентный «чародѣй» явился къ намъ лѣтъ 20 назадъ, постомъ, и за 5 недѣль далъ 31 вечеръ, выручивъ *28 тысячъ рублей*. Надо правду сказать, что съ первыхъ-же представленій Эпштейнъ очаровалъ публику простотой въ обращеніи, умѣньемъ литературно объясняться, безъ плоскихъ шутокъ и прибаутокъ современныхъ фокусниковъ, а также и самыми фокусами. Все описанное у покойной Блавацкой (Рада Блай) изъ ея наблюденій надъ факирами продѣлывалось Эпштейномъ. Еще живы врачи и тѣ изъ публики, которые были очевидцами его опытовъ, изъ которыхъ два особенно памятны Въ присутствіи врачей, Эпштейнъ у лица, указаннаго публикой, останавливалъ моментально пульсъ простымъ нажимомъ пальца грудной клѣтки. Затѣмъ возникъ споръ о томъ, что одинъ изъ наиболѣе удачныхъ его фокусовъ онъ не съумѣетъ показать не на сценѣ. Спорила мѣстная интеллигенція и доспорилась до пари.

Взята была тонкая, черного дерева тросточка, принадлежавшая присяжному повѣренному С., и одинъ конецъ ея, сжавъ въ кулакѣ, держалъ одинъ изъ мѣстныхъ нотаріусовъ, а другой—видный коммерсантъ. У покойнаго Зубовича взято было большое кольцо съ крупнымъ брилліантомъ, подмѣнить которое было невозможно. Послѣ этого Эпштейнъ отошелъ отъ лицъ, державшихъ въ горизонтальномъ положеніи палку, на разстояніе 10 шаговъ, прицѣлился и бросилъ кольцо— раздался звукъ удара и кольцо очутилось на палкѣ. Все это продѣлано было при дневномъ свѣтѣ и среди небольшого кружка лицъ, которыхъ нельзя было заподозрить въ намѣрѣ-бы то ни было сношеніяхъ съ фокусникомъ.

Теперь возвращаюсь къ прерванному разсказу. Итакъ, итальянская опера у насъ не прививалась, а русская отсутствовала, вообще, въ провинціи. Между тѣмъ, для постановки въ Ростовѣ, хотя изрѣдка, оперы имѣлись всѣ данныя: при оперетѣ были всегда хорошій мужской и женскій хоръ, недурной оркестръ и нѣсколько музыкально-образованныхъ артистовъ. Такъ, у насъ служили въ окончившихъ консерваторію: Борисова, Ѳедотова, Кольцова, Альтанъ-Хотинская, Алеленовъ и др. Но, несмотря на это, никто не надумался зачатьки постановкой оперы. Изрѣдка лишь ставились одинъ актъ изъ «Русалки», актъ изъ «Волшебнаго стрѣлка», — и тогда театръ бывалъ переполненъ. Въ 1869 году драматическій режиссеръ Полтавцевъ, обладавшій прекраснымъ баритономъ, поставилъ въ свой бенефисъ, въ первый разъ, цѣлую оперу (?!) Аблесимова—«Мельникъ, колдунъ, обманщикъ и сватъ», а за нимъ, черезъ небольшой промежутокъ времени, была поставлена «Аскольдова могила», Верстовскаго, съ участіемъ Зубовича въ роли Неизвѣстнаго. Опера Аблесимова съ тѣхъ поръ больше не повторялась, но «Аскольдова могила» стала репертуарной пьесой. А. И. Черновъ, недавно гастролировавшій въ Ростовѣ, въ театрѣ Е. В. Любова, еще юношей, начинающимъ оперетчикомъ пѣвцомъ, пѣлъ въ лѣтнемъ театрѣ партію Неизвѣстнаго, и пѣлъ съ большимъ успѣхомъ. Въ 1874 году трагикъ А К. Любскій поставилъ въ свой бенефисъ оперу «Волшебный стрѣлокъ». Это была первая иностранная опера, пѣтая у насъ на русскомъ языкѣ.

Оперу въ такомъ видѣ, въ какомъ мы ее теперь привыкли видѣть, намъ показалъ въ первый разъ, 10 лѣтъ тому назадъ (какъ только отстроился Асмоловскій театръ), оперный артистъ Медвѣдевъ, давшій въ Ростовѣ цѣлый рядъ оперныхъ спектаклей.

* * *

Въ заключеніе, я хочу поѣлиться съ читателями кое какими воспоминаніями о покойномъ А. В. Самуильсонѣ, какъ о театралѣ.

Вальяно — основатель театральнаго дѣла въ Ростовѣ—только на 2-3 года раньше Самуильсона выступалъ здѣсь въ роли антрепренера. Съ перваго дня появленія у насъ покойный А. В. сдѣлался постояннымъ посѣтителемъ театра и въ скоромъ времени сталъ тамъ свои-мъ человѣкомъ. Только послѣдніе годы—годы недомоганія—отшатнули его отъ театра, но цѣлыхъ 20 лѣтъ, иногда въ день, это былъ постоянный посѣтитель его. По субботамъ—и лѣтомъ, и зимою, у Самуильсона давались «артистическіе обѣды», и были-ли въ городѣ драма, оперетка, или та и другая вмѣстѣ,—всѣ «лицедѣи» находили себѣ мѣсто и радушный пріемъ въ домѣ А. В. Всѣ раздоры между антрепризой и артистами и, въ особенности, капризными артистами улаживались только благодаря вмѣшательству въ нихъ Самуильсона. Сколько безмѣстныхъ артистовъ получали, благодаря его высокой рекомендаціи, хорошіе ангажементы, сколькихъ онъ на свой счетъ отправлялъ на мѣста служенія, сколькихъ спасалъ отъ голода и нищеты,—про то врядъ-ли знаютъ многіе изъ нашихъ согражданъ, и я думаю, что не ошибусь, если скажу, что добрую половину его ежегодняго заработка,—который, были годы, достигалъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ рублей,—поглощала его артистическая богема.

Разскажу здѣсь объ одномъ случаѣ изъ жизни покойнаго. Когда-то, какъ я упоминалъ, на ростовской сценѣ подвизалась семья Пальмъ. Сестра С А Пальма, плохая водевильная артистка Слободина, вздумала поставить въ свой бенефисъ написанную братомъ ея оперетту съ наборной музыкой: «Продолженіе Елены прекрасной» («Елена въ Т—ѣ»). На репетиціи всѣ видѣли, что это нѣчто ужасное и что если пьеса пойдетъ въ томъ видѣ, какъ она написана,— выйдетъ большой скандалъ. Александръ Владиміровичъ, случайно забредшій на репетицію, предложилъ немного сладить пьесу и, посмотря на то, что въ то время былъ постоянно обремененъ множествомъ дѣлъ, засѣлъ на цѣлую ночь, и на завтра поднялась пьеса, въ которой отъ прежней остались только одно названіе. Оперетта пересыпана массой каламбуровъ чисто-французскаго пошиба, а также куплетовъ, и до сихъ поръ она кое-гдѣ ставится, причемъ авторомъ ея считается Пальмъ!

Другой случай.

Служилъ у насъ много лѣтъ суфлеромъ Юлій Ивановичъ Фусеъ и получалъ 75 руб. въ мѣсяцъ жалованья. На первой недѣлѣ великаго поста у покойнаго А. В. было какое-то домашнее торжество, на которомъ имѣетъ своей труппой, въ качествѣ веселаго и остроумнаго собесѣдника, былъ приглашенъ и Фусеъ. Фусеъ (нынѣ тоже покойный) любилъ изрядно пьывать. Въ тотъ день гостилъ въ городѣ извѣстный когда-то антрепренеръ Воронковъ, который предложилъ Фусеу перейти къ нему на плату 125 руб. въ мѣсяцъ, срокомъ на 5 мѣсяцевъ. Рѣшено было это предложеніе оформить въ тотъ-же день, въ 6 часовъ вечера, въ гостиницѣ «Лондонъ», гдѣ квартировалъ Воронковъ. Въ 2 часа дня всѣ собрались у Самуильсона, и пошла попойка, окончившаяся поздней ночью. Воронковъ, не дождавшись пьяваго суфлера, вечеромъ уѣхалъ. На завтра Фусеъ, вспомнивъ о томъ, что онъ далъ слово Воронкову быть у него и проспавъ, раскаявывалъ объ этомъ въ кружкѣ товарищей и, шутя, прибавлялъ: «господа, едва-ли самъ Ротшильдъ такъ богатъ, какъ я: вчера я съѣлъ у Самуильсона кусочекъ такой кусочекъ пирога—и это обошлось мнѣ въ 250 руб.» Объ этомъ, вечеромъ того-же дня, узналъ Александръ Владиміровичъ, и на слѣдующій день Фусеъ получаетъ напочатанный конвертъ, въ которомъ оказалось 250 руб, безъ всякой записки. Онъ хотѣлъ возвратить деньги обратно, но Самуильсонъ отнавывалъ, говоря, что онъ изъ не посылалъ. Такъ деньги и остались у Фусса.

Мѣръ праху твоему, добрый человѣкъ! Не только мы, ростовцы, но и много-много артистовъ, кроживающихъ теперь въ далекимъ отъ насъ уголкамъ общирной Россіи, если до нихъ дойдетъ вѣсть о твоей смерти, помянутъ тебя добрымъ словомъ.

В. Кр...